
В честь открытия Мастерской я пригласил Принцессу Дженерозу Клеопатру Кардамоне. Это была неофициальная встреча — светская беседа, тёплая и живая. Мы сидели у камина, и разговор постепенно перешёл от искусства к личным историям. Я делился воспоминаниями о выставках, о картинах, которые особенно тронули меня, а Принцесса — своими переживаниями, связанными с великими художниками и их трагическими судьбами.

И вдруг, почти не меняя интонации, она сказала:

— А ты знал, что существует картина Ван Гога, которую он сам разорвал?

Я насторожился. О такой истории я не слышал.

— Разорвал? Зачем?

Принцесса кивнула.

— Это было в самом конце его жизни. Он написал её в момент сильнейшего душевного напряжения — как раз тогда, когда между ним и братом Тео начала расти стена отчуждения. Его состояние ухудшалось, а Тео всё чаще слушал не Винсента, а свою жену — Йоханну.

Я слушал, затаив дыхание. Это была не просто байка — в голосе Принцессы чувствовалась уверенность очевидца, знавшего больше, чем написано в книгах.

— Когда Ван Гога в очередной раз увезли в лечебницу, — продолжала она, — картина осталась у Тео. Она была почти закончена. Почти. Но, видимо, Йоханна решила «помочь». Она взяла кисть и дописала то, что, как ей казалось, не хватало. Мазки были чужие. Свет — не тот. Но главное — внизу появилась подпись: Vincent.

Я невольно напрягся.

— Она подписала это его именем?..

Принцесса медленно кивнула.

— Он вернулся, увидел это — и всё понял. Без разрешения. Без права. Из лучших побуждений, возможно — но без понимания. Она решила довести до ума его работу, сделать её «более завершённой», «более коммерческой». Но для него это было вторжением. Насилием над самым личным. Его живопись — это была его душа.

Я закрыл глаза. Я будто почувствовал, как его руки дрожат, как он стоит перед холстом, в который вложил всю свою боль — и видит чужие мазки.

— Он не выдержал. Разорвал картину, — сказала Принцесса. — Не из каприза. Из боли. Он отказался от вмешательства. Он выбрал страдание, но подлинное. Он не мог позволить остаться фальши под его именем.

— А что стало с картиной? — спросил я.

— Её фрагменты собрала Йоханна. Втайне. Она не стала выбрасывать их, а аккуратно сложила, а потом, спустя годы, вмонтировала под стекло — как напоминание. Возможно, из вины. А может быть, чтобы доказать свою любовь. Никто не знает. Но картина дошла до нас. Она существует.

Я не мог поверить.
— И ты видела её?

— Да, — ответила Принцесса. — В частной коллекции одного олигарха. Он показал её мне, как бы между делом. На стене, под стеклом — грубая, живая рана. Холст разорван, но снова собран. Видны швы, фрагменты, недописанные участки. Но в ней — нечто большее, чем искусство. В ней — акт сопротивления. Боль, которую нельзя продать.

Мы долго молчали.

— Потрясающая история, — наконец сказал я. — Но она должна быть услышана.

Принцесса посмотрела на меня и улыбнулась.

— Вот именно. Поэтому я и рассказала её тебе. Я хочу, чтобы ты написал об этом. Полную историю. Не статью, не заметку — книгу.

— Книгу?

— Да. Ты умеешь чувствовать искусство. А Ван Гог заслуживает, чтобы его боль услышали не только глазами, но и сердцем. Назови её так, как ты чувствуешь. Я бы назвала... «Разорванная душа».

Я кивнул. Уже тогда я знал — книга будет написана. И она будет называться именно так: «Разорванная душа: Ван Гог, страдание и подлинность»